

Запись школы общины с Хулианом Карроном

Милан, 25 мая 2016 г.

Текст: Х. Каррон. Введение к упражнениям Братства

- *Non son sincera*
- *Наја о que houver*

Слава...

Мы начали упражнения Братства с признания того, что мы грешники, люди, бесконечно нуждающиеся. Часто такое сознание в нас притуплено: нам кажется, будто наша нужда по природе своей не столь уж глубока и, если мы поднапряжемся, то, глядишь, и сами справимся. Но рано или поздно становится ясно, что это не так, о чем свидетельствует пример учеников. Им недостаточно было прожить несколько лет рядом с Ним, чтобы получить ответ на их потребности, на их страхи и печали, на их слезы. Вот почему важно осознать, что мало даже признания нашей нужды, поскольку нередко мы сводим ее лишь к тому, чего не понимаем. Только оказываясь перед лицом Присутствия, мы по-настоящему осознаем, какова природа нашей нужды. В свете сказанного начну с вопроса, который прислал мне по электронной почте человек, живущий далеко от Милана: «Мне хотелось бы лучше разобраться в том, как связаны *стиль Бога* [первый пункт введения] и *знамение времени* [второй пункт]. Меня особенно поразило описание перемены эпохи. Я преподаю в старших классах и постоянно замечаю и в учениках, и в коллегах такой взгляд на Бога: именно Он должен оправдываться перед людьми. Мне подобная позиция кажется высокомерной (я бы не хотел использовать слишком сильные слова), и я с болью признаю, что она отдаляет меня от окружающих – отношения с ними становятся холодными и натянутыми. Во втором пункте на меня большое впечатление произвели слова папы Франциска. Он «обладает особой чувствительностью в отношении современного человека, и понимает, в каком положении тот находится, ревностно печется о его ранах и тревогах» и видит ответ на эти душевные раны в конкретном опыте милосердия. Мой вопрос в следующем: как от описания человека перейти к опыту милосердия и сказать, что именно милосердие является ответом на все, что его составляет? Мне хочется глубже понять это, поскольку я тоже хочу таким взглядом смотреть не человека, на людей, которых встречаю ежедневно и в отношении с которыми часто остаюсь безразличным. И потом, именно этот взгляд я ощущаю на себе самом благодаря встрече со Христом». Почему так важно уловить связь между двумя пунктами, то есть тихим и неприметным стилем Бога и изменением эпохи? Потому, что

сейчас, учитывая, какого самосознания достиг человек, нельзя и помыслить о том, чтобы тем или иным образом навязать ему Бога. Поэтому-то так ценно описание, предложенное папой Бенедиктом, – мы это видим по себе. Только тихий и неприметный стиль Бога, только «Его нежность», о которой Франциск говорил епископам Мексики, действительно может завоевать современного человека. Мы убеждаемся в том, насколько это важно, в отношениях с людьми (в школе, в повседневной жизни...). Дело не в высокомерии, просто, как всегда напоминал нам отец Джуссани, цитируя протестантского автора Р. Нибура, если человек не понимает связи между стилем Бога и собственной нуждой, то и признание Бога становится для него неразумным: «Нет ничего более немыслимого, нежели ответ на незаданный вопрос». По этой причине в самом начале упражнений мы с несравненной помощью Бенедикта XVI (который в свою очередь опирается на слова Иоанна Павла II и Франциска) попытались четко определить, где тот зазор, что позволит современному человеку признать свою нужду и уловить ответ на нее в том, как Бог действует в его отношении. В этом и заключается «оправдание Бога», и без него нам придется вечно жить в оборонительной позиции. Да, мы видим, что нуждаемся именно в этом, и нам хочется иметь такой взгляд на реальность, хотя у нас и не всегда получается. Отец Джуссани познакомил нас именно с таким христианством. Он начал Движение с единственной целью: показать неотъемлемость веры от потребностей жизни и способность христианства отвечать на них. И потому, только если сегодня христианская весть отвечает на наши нужды, мы сможем признать ее, воспринять ее как нечто непосредственно с нами связанное. Каким образом это происходит? Какой путь мы проделываем? Какой опыт мы приобрели? Как сказанное Франциском и Бенедиктом XVI начинает отражаться на жизни?

Во время упражнений ты сказал о том, что Бог должен оправдываться, и для меня этот момент был очень важным, поскольку благодаря ему я стал по-другому входить в класс. По моим представлениям, ребята обязаны были держать определенную планку (которую я установил). Я воображал, какими они должны быть, и в результате, как почти все мои коллеги, начинал жаловаться или разочаровывался, поскольку дети оказывались не на высоте. А когда ты сказал, что это Бог должен...

Если человек исходит из ошибочных установок, все его попытки с треском провалятся, идет ли речь об учениках, о собственных детях, о коллегах, о ком угодно!

Это правда. И действительно, в понедельник после упражнений я вернулся в класс, задавая себе вопрос о том, как тихий и неприметный стиль Бога может стать моим стилем в преподавании, в общении с учениками – такими, какие они есть, а не какими я хочу их видеть. И кое-что случилось. Сейчас, в конце учебного года, все ребята очень волнуются из-за контрольных, экзаменов...

Особенно, если у них преподаватели вроде тебя!

Естественно. И как я поступил? Я им сказал: «Нужно сломать этот механизм, потому что он бесчеловечен», – имея в мыслях правильную идею человеческого. И тут одна ученица мне говорит: «Но ведь мы должны писать контрольные и сдавать экзамены, и я хочу делать это хорошо. А вы чего хотите? Почему вам хочется чего-то другого? И чего именно? Я хочу хорошо сделать

работу, требующуюся от меня, а она заключается в учебе». Это тихая девочка, от которой я не ожидал такого и потому остался несколько озадаченным. Потом мне вспомнилось, что говорил Джуссани в Витербо: «Характерное свойство присутствия – выносить суждение о том, что есть, а не изобретать сразу же альтернативные пути, поскольку в таком случае умалывается само присутствие» (Viterbo 1977 // L. Giussani. Il rischio educativo. Torino: SEI, 1995. P. 79). Поэтому я попытался понять, о чем говорила моя ученица и, вместо того чтобы убеждать ее в моей точке зрения, попробовал постепенно изменить мой подход. Разговаривая с ней, я осознал, что это мне необходимо оправдаться перед ней, а не ей быть на высоте! К чему предлагать ученикам что-то еще, если они нуждаются в учебе? Так потихоньку я понял, в чем заключается ее нужда, то есть увидел, как учится эта девочка. Я стал присматриваться к ее трудностям, к проблемам, а через них – и трудностям всего класса. Тогда мне стало ясно: вопрос не в том, как я вижу учебу, а в том, как учатся мои ребята. Мое призвание – разделить их потребности, а иначе я взваливаю на них то, что, по-моему, представляет собой учеба. Такое изменение взгляда оказалось для меня интересным, я словно по-новому задышал с профессиональной точки зрения, так как постепенно начал замечать, что есть свобода и человечность, которые необходимо разделять. Действительно моя ученица с улыбкой, полной радости, сказала: «Наконец-то взрослый человек воспринимает меня в свете того, в чем я нуждаюсь, а не указывает мне, что делать». Меня это поразило, и я осознал, что «тихий метод» – это не какая-то техника, а способ по-настоящему обнимать человека. У меня были правильные представления о человеческом и бесчеловечном, но при этом моя ученица оставалась за кадром.

«У меня были правильные представления о человеческом и бесчеловечном, но при этом моя ученица оставалась за кадром». Почему?

Потому что у меня как у преподавателя сложилась определенная идея о том, в чем наша нужда – моя и ребят. Я первый не позволял себя обнять.

Думаю, из твоего выступления ясно, какой путь нам еще предстоит пройти. Ты сам описал проблему: тебе казалось, что ты разобрался, в чем трудность девочки, но при этом сама девочка перестала быть реальной. И тогда настоящая, конкретная девочка, находившаяся перед тобой, начала задавать вопросы и тем самым выбила тебя из привычной колеи. В результате тебе захотелось понять. Сам того не сознавая, ты употребил слово, которое использовал и Бенедикт XVI: «постепенно». Происходящий в нас переворот не сразу бросается в глаза, но вот уже ты должен разбираться в том, чем живет твоя ученица, чтобы твое действие, твой ответ соотносился с ее нуждой. Иными словами, это ты должен оправдаться, должен доказать, что твой ответ учитывает все факторы, что речь не просто о правильной идее учебы, а о человеке, которому нужно учиться, о конкретной личности, стоящей перед тобой. Мы могли бы подумать: идеи у нас правильные, значит, все в порядке. И нам даже будет казаться, будто мы объяли реальность во всей ее сложности. На самом же деле мы начинаем осознавать, что наши правильные идеи подчас весьма ограничены и не учитывают огромное количество факторов. В общем, наш взгляд не такой уж и правильный, даже наоборот. Это становится очевидно, когда

мы замечаем определенные трудности, принимаем к сведению те или иные факты реальности, которые раньше оставались недостаточно ясными. Ты не исходил из потребностей твоих учеников. И это, по твоим словам, обозначило переворот в первую очередь для тебя. Нам еще учиться и учиться! И тогда ты становишься истинным в твоей работе преподавателя, судья становится истинным судьей, отец – истинным отцом в отношении с сыном, коллега – в отношении с коллегой, а заключенный – с охранником тюрьмы, заставляющим его раздеться догола (вспомните яркий пример, который я приводил на упражнениях в Римини). Наш друг заключенный не заблуждается, он не говорит, что подобное отношение к людям верно: нет, оно неправильно, оно неприятно. Но как может охранник вести себя иначе, если никто не посмотрел на него по-другому? «Я понимал, что в этом нет их вины. В чем виноват тот, с кем не случилась встреча, кто не встретил людей, любящих безвозмездно и тем самым учащих любить. Как можно жить без таких проводников?! В чем виноват тот, перед кем нет свидетеля, за которым стоит следовать <...>? Я смотрел на них с безграничной нежностью – и не потому что получал удовольствие от того, что меня раздевали [суждение предельно ясно] или обращались со мной определенным образом. Нет. Я смотрел на них с нежностью, потому что если с человеком всю жизнь так поступали, то и он в конце концов начинает действовать аналогично в отношении с теми, кого встречает. Его достоинство было задето, и потому он действует так же с теми, кого встречает!» Необходимо распахнуть взгляд и осознать все факторы, не останавливаясь на уровне «правильного и неправильного», потому что «правильное и неправильное» касается всей истории твоей ученицы или всей истории этого заключенного. В противном случае нам сложно будет сдвинуться с места. Что, по сути, происходит? Сталкиваясь с реальностью, мы осознаем, что не отдавали себе отчета в том, насколько глубока наша нужда. А не поняв, насколько глубока наша нужда, мы не в состоянии уловить и нужду других людей. Когда человек доходит до этого и меняет курс, он начинает видеть то, чего раньше не видел. Мы, конечно, не провидцы, и ты тоже не стал в одночасье ясновидящим: ты просто начал видеть то, чего раньше не видел. Твоя ученица всегда была у тебя на виду со всеми ее нуждами, но ее от тебя заслоняла твоя «правильная» идея.

На упражнениях на меня большое впечатление произвело описание метода Бога, открывающего Себя без спешки, постепенно. Однако по опыту могу сказать, что эта тихая и неприметная манера меня утомляет. Мне бы хотелось, чтобы все сразу стало прозрачным, и я хорошо понимаю тех, кто, слыша о милосердии Бога, говорит, что в реальной, настоящей жизни, все не так.

Да, такие подозрения закрадываются в нас, неприметно или очень даже...

И хотя упражнения поразили меня в самое сердце, и я ощутил на себе объятие и получил действенную помощь, благодаря которой обнажилась вся моя нужда, в повседневности все-таки господствует мысль о том, что милосердие не действует так, как об этом говорят. И поэтому, когда работа ничего во мне не пробуждает или когда мне сложно переживать отношения с другими истинным образом, необходима бесконечная простота, чтобы честно смотреть в глаза друзьям и членам общины. Или, когда случаются тяжелые события,

я замечаю, что, хотя у меня есть вопросы, в диалоге с Присутствием недостает чего-то нового. Мы говорили, что милосердие Господа охватывает нас в той мере, в какой мы об этом просим. Однако я часто прошу, насквозь проникнутый скепсисом. И поэтому хочу спросить: почему в нас остается скептицизм и как можно от него избавиться?

Прости, а на твой взгляд, почему в глубине души мы скептики?

Возможно, потому, что мы не до конца честны в отношении нашей нужды.

Оставим вопрос открытым – его надо принять всерьез. Почему остается скептицизм? О чем говорит плач Магдалины: о скептицизме или о том, что масштаб проблемы превосходит любые человеческие способности разрешить ее? Мы говорим о скептицизме, на деле же речь о бессилии: то, чего нам хотелось бы, не складывается или нам не удается устроить все в соответствии с нашими представлениями. Я часто вспоминаю фразу Иисуса: «Без Меня не можете делать ничего». Нам кажется, Христос слегка преувеличивает, «ничего» – это слишком. И поэтому, когда мы попадаем в ситуации, которые нам не по плечу... Откуда рождается скептицизм? Не от Христа! Он рождается оттого, что мы умаляем природу проблемы и думаем, будто все, в конце концов, в наших руках (в результате чего, после множества неудачных попыток мы начинаем относиться скептически к нашим усилиям). Я полностью согласен: мы совершенно точно неспособны. Вопрос в том, есть ли еще какие-то возможности! И поэтому нам следует бороться с таким отвлеченным скептицизмом: мы должны смотреть в лицо фактам, помогающим бросить ему вызов.

Примерно год назад мне пришлось сменить должность и многому научиться с нуля. Я сразу же выделила из числа коллег одну девушку, которая могла бы мне помочь. Она большая умница, и я ей доверяла. Однако прежде чем возложить на нее определенные обязанности, я решила понаблюдать за ней и увидела, что в течение последнего года из-за личных проблем она работала из рук вон плохо, так плохо, что ее стоило бы даже уволить. Мне пришлось попросить другого человека помочь мне. Но я была очень расстроена, поскольку та девушка мне нравится и я видела, как она разрушает себя. Дело было не в ее поступках, а в том, что она каждым своим действием она разрывала все связи и отношения и искала одиночества. В один прекрасный момент я должна была рассказать ей о кадровых перестановках и, в частности, о том, что другой человек занял место, которое могла бы получить она. Мне было не по себе, и я не знала, как донести до нее эту информацию. Я подумала, что в любом случае нужно говорить об этой ситуации как о благе для нее, а потом уж пусть реагирует, как хочет. Я пригласила ее на обед и спросила: «Как ты работала в этом году?» Она согласилась, что работала очень плохо и что ее мысли были заняты совсем другими вещами. Тогда я сказала ей об упущенной возможности и добавила, что меня, однако, гораздо больше печалило ее нежелание относиться к самой себе всерьез. Я призналась: «Меня спасло и продолжает спасать место, в котором присутствует некое “Ты”, обнимающее и прощающее меня. Я не хочу лишиться этого объятия и потому, даже отдаляясь, даже совершая чудовищные поступки, всегда возвращаюсь, поскольку знаю, что есть это “Ты”. Только глядя на Него и пребывая с Ним, я понимаю, что правильно». Моя коллега ответила, что она желала того же самого и для себя, но до сих пор не нашла. Мы

обедали с ней в четверг, а на следующий день поехали вместе на упражнения для тех, кто недавно начал работать. Эта девушка буддистка, но только формально, на деле же она атеистка, и в жизни у нее куча проблем: со здоровьем, с семьей, со многими вещами. Она не знала, куда мы едем и даже спрашивала, что брать из одежды. Я сказала просто приехать, и она приехала. Я попросила одну мою подругу быть с нами, и она согласилась. На протяжении всех упражнений моя коллега не сделала ни одного комментария, но по вечерам в гостинице я слышала, как она пела в душе. Потом мы вернулись домой и в понедельник весь день работали бок о бок, но девушка по-прежнему молчала. Однако, выйдя из офиса, я тут же получила от нее сообщение: она просила прислать ей конспект упражнений, потому что ей хотелось перечитать кое-какие моменты. Но больше всего меня поразило другое. После возвращения она вновь начала очень хорошо выполнять свои обязанности, как не делала уже год. Одна наша коллега-мусульманка спросила меня: «В следующем году возьмешь с собой и меня? У нее такое лицо...» Потом немного подумала и добавила: «Ну нет, это же католические упражнения, поедем лучше на термальные источники!» Но все-таки она заметила, что лицо той девушки изменилось. Именно благодаря изменившимся лицам все и движется вперед.

Ответом на скептицизм может стать изменившееся лицо, признание чего-то, а не наши усилия. Та девушка работала плохо, и ничего не помогало. И вдруг что-то произошло, вмешалось присутствие, отличавшееся от нее самой и от того, что она делала, и позволившее ей начать все заново. Так происходит в реальной жизни или не так? Или, может, это лишь плод нашей фантазии? С подобными фактами, с фактами, превосходящими нашу меру, мы сталкиваемся ежедневно, и потому, чтобы твердить определенные вещи, нам приходится лгать самим себе. Когда что-то превосходит нашу меру, не нужно говорить: «Это событие не вписывается в мою меру и потому невозможно, а значит, и отношусь я к нему скептически». Вопрос в том, чтобы вернуться к фактам, бросающим вызов нашему скептицизму и побеждающим его! Вот почему недостаточно одних лишь теорий, недостаточно объяснений, недостаточно никаких размышлений. Проверить можно только факты. Вспомните, как отвечал на скептические замечания исцеленный слепорожденный: «Поймите же, меня ничуть не волнует ваш скептицизм, потому что раньше я не видел, а теперь вижу». Нет другого способа преодолеть наши скептические мысли, их могут пошатнуть исключительно факты. И если человек не позволяет фактам задеть себя за живое, если не распахивает глаза на другие возможные пути, открывающиеся через факты в реальности – *в реальности*, а не в нашем воображении, если в нем есть этот скепсис, то он никуда не движется. Я не говорю, что все перечисленное само по себе решает проблему. Факты пробивают брешь в стене нашего скептицизма. Потом начинается настоящая работа, потому что, только распахивая глаза, я начинаю видеть для себя иные возможности.

Я хочу рассказать об одном событии, которое случилось на прошлой неделе и помогло мне лучше понять, о чем ты говорил во введении в пятницу вечером. У меня есть одна коллега. Она хороший и великодушный человек, но совершенно не выносит беженцев и, как и другие члены ее семьи, часто говорит, что всех бы их перестреляла, что их нельзя пускать в страну, что нужно отгородиться от них стеной и все в таком духе. Дело усугубляется тем, что муж этой

женщины находится в непростом положении и получает пособие по безработице. В течение дня мы не очень много разговариваем, но вот уже несколько раз я пыталась сказать ей, что беженцы – данность, с которой нам придется сталкиваться с ней все чаще и которая может открыть новые пути и для нас. Естественно, ее мнение несколько не изменилось, до тех пор, пока у одного ее родственника, живущего с ней, внезапно не обнаружили тяжелое заболевание легких и он не попал в больницу. Его соседом по палате оказался только что приехавший в Италию беженец из Пакистана. У него тоже были серьезные проблемы со здоровьем.

Тайна не промахивается!

После первоначального напряжения они начали входить друг с другом в отношения. Когда у пожилого итальянца нарушается подача кислорода, пакистанец, который и сам чувствует себя плохо, встает с койки и поправляет ему трубки. Постепенно происходит все больше таких мелочей, таких незаметных человеческих жестов. И вот итальянец, еще недавно полный предрассудков и бесконечной ненависти, попросил у родных собрать всю его старую одежду, все вещи, которыми он больше не пользуется, и отдать их пакистанцу. А моя коллега пришла ко мне и сочувственно рассказала: «У него такая драматичная история, ему пришлось оставить жену, детей...» В общем вся семья прониклась к нему теплыми чувствами и даже навестила его, когда его перевели в другое отделение. В пятницу вечером в Римини ты цитировал слова отца Джуссани: «Одним словом, Церковь не мошенничает, ведь каждый может подвергнуть проверке все, что она говорит и совершает. Проверь сам, проверь сам – вот ее слова! Она оставляет своё предложение целиком и полностью на суд твоего опыта: тебе выносить суждение. Невозможно представить себе бóльшую открытость! Церковь не мошенничает, то есть не навязывает ничего, что ты вынужден принять в любом случае, даже не будучи убежденным». Глядя на такие маленькие факты, происходящие в реальности, я с благодарностью учусь у этих бедных людей методу. А метод в том, чтобы быть открытым тому, как Бог, Тайна (всегда остающаяся таинственной), пробуждает мою свободу, как Он возлюбил и продолжает в любых обстоятельствах любить мою свободу.

Поразительно. Бог может тихо и неприметно действовать через чужака, через пакистанского беженца, чтобы полностью изменить позицию человека (которую нередко можем занимать и мы). С какой фантазией Тайна использует то, что нам кажется противоположным нашим желаниям... «Они тебе не нравятся? Ты не готов обнять отличного от тебя человека? Ну, тогда Я помещу его прямо рядом с тобой, чтобы ты мог расширить границы разума, распахнуть взгляд и сердце и понять, что человек этот больше того, к чему ты его сводишь». Так мы можем по-настоящему осознать, насколько нам близок метод Бога, насколько он нас раскрывает. Никакие слова не могли бы пошатнуть столь глубокие предубеждения. Поменять позицию тех людей удалось факту, присутствию, явившему себя во всей своей сложности. И только если мы готовы к этому, Богу становится возможно, даже побеждать раз за разом наш скептицизм.

У меня вопрос. Мне кажется, часто мы путаем наше сердце со всеми его глубинными и истинными потребностями и себялюбие и собственные интересы. В чем разница между сердцем и себялюбием?

Спасибо, этот вопрос для все очень важен, поскольку мы и правда часто путаем сердце и себялюбие. В чем же разница? Она начнет вырисовываться, если внимательно вчитаться в слова папы: «У истоков забвения милосердия всегда лежит *себялюбие*. В миру оно выражается в стремлении удовлетворить исключительно собственные интересы, в поиске собственного удовольствия и почестей вместе с желанием накопить богатство, тогда как в христианской жизни оно часто облекается в лицемерие и обмирщение. Все это противоположно милосердию» (*Общая аудиенция*, 9 декабря 2015 г.). В чем разница между сердцем и себялюбием? Сердце по природе своей есть потребность в полноте, себялюбие же умалает эту потребность, потому что заставляет нас довольствоваться крохами наших интересов, нашей принадлежности к миру, не идущими ни в какое сравнение с тем, в чем нуждается сердце, и потому неспособными его наполнить. Как говорит папа, в себялюбии господствует стремление к накопительству или желание заполнить пустоту вещами, которые по природе своей не соответствуют нам до конца. Наши друзья из Уганды рассказали мне об одном знакомом, работающем в авиакомпании. Какое-то время тому назад он встретил Движение, побыл в нем, а затем отдалился. Потом совершенно случайно ему подарили диск с фильмом «*Прекрасная дорога*», в котором он увидел лица тех, кого когда-то встретил и благодаря кому заинтересовался Движением. Тогда ему пришла в голову мысль: достать через свою компанию билеты на самолет, чтобы полететь и проведать друзей, увиденных в видео. Наконец ему это удалось. Он отправился в Уганду, но попал в такой прекрасный отель, что забыл о цели своей поездки! Его желание свелось к пребыванию в комфортном месте. Это подтверждает и тот факт, что, как только на обратном пути самолет оторвался от земли, он с бесконечной тоской осознал, какую возможность упустил. Сердце не делает нам скидок. Им можно пренебречь ради чего угодно, но ему всего будет мало. Потом, уже на борту, этот человек встретил некоторых наших друзей, возвращавшихся из Уганды. Он признался: «Обычно я не заговариваю с итальянцами, потому что они вечно меня путают. Но в тот раз, сам не знаю почему, я вдруг ощутил на себе ваш взгляд». После разных вопросов, на которые те отвечали уклончиво, не желая прерывать диалога между ними, он неожиданно воскликнул: «Так вы из Движения!» – «Да, а откуда ты знаешь?» Тогда этот человек поделился с ними своей историей. Его поразило, как Тайне удалось спасти его на высоте двенадцати тысяч метров. Слыша такие рассказы, понимаешь, в чем разница между подлинным интересом, о котором говорит папа, и интересами мирскими. Провести выходные в шикарном отеле – просто замечательно, но это не ответ на ожидание сердца, и потому в конце наступает разочарование. Наш знакомый воспрянул духом благодаря поразившим его лицам, в которых он разглядел принадлежность к Движению. А мы думаем, будто сердце можно перехитрить. Нет! Перехитрить его нельзя, и любого ответа, не до конца соответствующего потребностям сердца, будет мало. Часто мы принимаем желаемое и кажущееся за соответствие. Однако мы должны судить о желаемом и кажущемся с точки зрения опыта соответствия. Когда человек, проведя выходные в шикарном отеле, садится в самолет и вдруг ощущает бесконечную тоску, он выносит суждение. Можно попытаться скрыть ее, проигнорировать ее, а можно ее признать – разница очевидна. Вот почему так важно начать признавать разницу: даже если нам удастся перелистнуть страницу, мы не находим ответ, по-настоящему удовлетворяющий потребности нашего сердца.

Мне в этом смысле очень помог третий пункт, и особенно провокационный вопрос: «Когда мы думали о Нем всерьез, всем сердцем, в последний месяц?» Я в тот момент сразу же мысленно ответила: «Всегда!» Я всегда о Нем думаю. Будь со мной – вот первое, чего я желаю, просыпаясь по утрам. Однако ты продолжил: «“Мы не думали о Нем, как думали Иоанн и Андрей, смотревшие на Него, пока Он говорил. Если мы и задавались вопросами о Нем, то из любопытства, из желания проанализировать, из потребности в разборе, в поиске, в объяснении, в ясности. Но мы никогда не думали, как человек, по-настоящему влюбленный, думает о том, кого любит <...>, – чисто, абсолютно и совершенно бескорыстно, из чистого желания блага”. Как же мало мы думаем о Нем как о присутствующем, любимом Присутствии!» Я думала, мне знакома та позиция сердца, в которой оно ждет Его, но в последние дни для меня стало открытием, что пережитое в отношении со Христом не может быть каким-то приобретенным знанием. Каждый день передо мной вновь встает вопрос: «Кому ты отвечаешь, кому принадлежишь?» Недавно мне пришлось принять важное решение относительно работы: нужно было выбрать, оставаться ли на моем месте, которое меня вполне устраивает, или же приглядеться к желанию, распустившемуся в моем сердце в последние месяцы. Я просила: «Дай мне понять, где Ты хочешь, чтобы я была, я хочу быть там, где Тебе угодно». И в этой моей просьбе заключалась потребность в окончательности и прозрачности, а ведь к любящему человеку не станешь обращаться с такими требованиями. Потом постепенно я начала замечать, как Господь сопровождал меня, позволял происходить разным событиям, и становилось ясно, что проблема не во внезапном выборе между черным и белым, а в том, чтобы следовать по пути, который Он прокладывает перед мной, на который направлял меня. Иными словами, необходимо всецело довериться Его объятию. И действительно, как только я это сделала, все стало проще. Я ощутила освобождение! Такая позиция – что-то новое для меня, поскольку меня часто останавливает страх, особенно в ситуациях серьезного выбора. Я словно не доверяю до конца и сопротивляюсь Его любви. Но теперь мне кажется, что моменты освобождения, которые я начинаю замечать, простираются на всю жизнь, и что Христос ставит передо мной определенные вопросы и препятствия, чтобы я поняла: недостаточно думать о Нем, нужно по-настоящему любить Его. Любя Его, я узнаю Его. Возможность узнавать Иисуса связана как раз с любовью к Нему, а не с одними лишь мыслями о Нем.

На фоне себялюбия и умаления нашего ожидания до собственных интересов вырисовывается другая возможность, о которой отец Джуссани говорил как о необходимости искать Его днем и ночью. Только она соответствует потребностям сердца, и для этого мы должны полностью отдаться Присутствию, подобно Марии Магдалине, сдаться перед тем, как Христос склоняется на нашими язвами, над нашими ранами, чтобы ответить на наше ожидание. Не доверяясь таким образом Присутствию, не убеждаясь собственными глазами, что Он способен привести нас к свершению, мы в конце концов станем искать удовлетворения наших умаленных, урезанных интересов. И вопрос о том, что нам соответствует, остается открытым. Отвечая на него, Бог оправдывается перед нами: «Смотри сам, что тебе соответствует: отель, твои интересы, твои планы или полное доверие Моему присутствию». И только пережитый опыт сможет нас в чем-

либо убедить. Вот почему, как мы сказали во время упражнений, процитировав отца Джуссани, Бог оставляет проверку Своего предложения за нашим опытом, поскольку лишь в свете нашего опыта Он оправдывается, доказывает, что неотрывно связан с потребностями нашего сердца. И каждый день у нас есть такая возможность: не просто более или менее блестяще проводить время, но и замечать, что все нам дается, чтобы открыть Его присутствие, увидеть, соответствует ли нам Его предложение или нет. Именно так в нас будет возрастать уверенность, а не скептицизм. Мяч всегда на нашей половине поля, потому что предложение Христа обращено к нашей свободе и ни к чему больше.

Следующая школа общины состоится 22 июня. Мы продолжим работу над введением, в котором многое еще только предстоит понять.

Каникулы. Мы рекомендуем проводить каникулы общины и участвовать в них. Это возможность открыть и пережить, что нам дороже всего, быть с «Тем, Кто посреди нас». Мы неоднократно говорили: поменьше разъяснений, побольше «погружения» в среду, где человек может приобрести опыт. Давайте будем внимательны к другим, давайте вместе строить, живо участвуя во всех предлагаемых моментах: в молитве «Ангел Господень», в утрене, в прогулках, в свидетельствах, в презентациях книг, в диалогах о том, что нас интересует, в играх, в мессе... Пусть каникулы становится местом, где можно, как выражается папа Франциска «погрузиться в милосердие»: не просто *говорить* о милосердии, а *переживать его на опыте*. Как мы убедились сегодня, участие в упражнениях изменило и продолжает менять самых немислимых людей. Мы видим это по себе. Так что давайте разделим богатство каникул, пригласив на них наших друзей и коллег.

Veni Sancte Spiritus